

ИГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

К. ВЕВЕРМАНЪ. Гр.

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. . . . 5 » — »
 На полгода. 3 » 50 »
 На три мѣсяца. 2 » — »

Редакція: Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Иванъ Купала. Окончаніе. Н. Сорокинъ. — II. Грусть. Стих. П. Выковъ. — III. Моя Бѣла. Разсказъ. А. Анненская.

ИВАНЪ КУПАЛА.*

(Отрывокъ изъ „Моего прошлаго“).

(Окончаніе).

Ио вотъ и вечеръ. Часовая стрѣлка на нашихъ круглыхъ часахъ показываетъ семь. Наскоро выпили чай.

Тучи собирались на одной сторонѣ неба, но солнце садилось чисто. Изрѣдка налеталъ свѣжій вѣтерокъ. Ближнія

*) См. №№ 6, 8, 9 „Игрушечки“, 1881 года.

деревья хлопотливо шумѣли листьями и снова успокоивались.

Наконецъ, отецъ беретъ свою черную шляпу съ широкими полями, вооружается длинной палкой съ острымъ наконечникомъ, безъ которой онъ никуда не выходилъ изъ дома, и всѣ мы отправляемся на прудъ.

На улицѣ было большое движеніе. Мужики, бабы, дивчата и дѣти въ праздничныхъ костюмахъ суетились чего-то, и точно чего-то ожидали. Только пастухъ—Петръ встрѣтился съ нами въ грязной рубахѣ, изорванной соломенной шляпѣ и съ сумкой черезъ плечо. Онъ аппетитно уплеталъ краюху чернаго хлѣба и закусывалъ „унбулей“. *)

Увидавъ насъ, онъ почтительно снялъ шляпу и спряталъ хлѣбъ за пазуху.

— А ты чтожь, Петръ, на Купалу нейдешь? спросилъ его отецъ.

— Усталъ больно, батюшка.. Не до Купалы теперь! вотъ поѣмъ хлѣбушка, да и на боковую. Завтра рано вставать придется!

Я удивился—какъ это нашелся человѣкъ, неинтересующійся праздникомъ.

Тѣмъ временемъ мы прошли мимо кузницы, которая стоитъ почти на берегу и поднялись на плотину. На отлогой отмели, образовавшейся отступившимъ прудомъ, шумѣла пестрая толпа. Тамъ и сямъ виднѣлись кучи заготовленной соломы. Слышался хохотъ, визгъ, звуки гармоники.

Прикащикъ провелъ насъ не много въ сторону на высокое мѣстечко, на которомъ были разставлены простыя деревянные скамейки и разложены чистыя циновки. Мы каждый годъ сиживали здѣсь и каждый годъ любовались празднествомъ отсюда, не мѣшая народу бѣгать и прыгать.

Староста побѣждалъ объявить, что „можно начинать.“ Въ ту же минуту, какъ разъ противъ насъ, поднялся столбъ

*) По-малороссійски — луковица.

густаго, бѣлаго дыма, сверкнулъ красноватый огонекъ и моментально охватилъ охапку соломы. Дружный хоръ запѣлъ пѣсню. Словъ я не могъ разобрать, слышалъ только припѣвъ:
„Ой Дидь—Ладо“!

Немного подальше вспыхнулъ еще огонь, тамъ — еще и еще. Цѣлый рядъ костровъ образовалъ громадную тучу густаго дыма, который подымался въ воздухѣ и пеленой стлался надъ прудомъ.

— „Начинайте-же!“ командовалъ староста.

Толпа разступилась такъ, что костеръ видѣнъ былъ всеѣмъ намъ.

Подъ звуки пѣсни, хороводъ изъ дѣвушекъ медленно кружился вокругъ огня и слегка притопывалъ въ тактъ ногами. Затѣмъ, онѣ останавливались, ударяли въ ладоши и собирались на одну сторону. Алена, вся въ яркихъ лентахъ и бусахъ, выкрикнула какую-то фразу и съ разбѣгу перепрыгнула черезъ пылавшую солому. За ней послѣдовала другая дѣвушка, потомъ—третья, и т. д.

Потомъ слѣдовали молодые парни, нестарые мужики. Такимъ образомъ каждый показывалъ свою ловкость въ прыганьи, каждый скачокъ, болѣе или менѣе удачный, вызывалъ въ присутствующихъ различнаго рода замѣчанія.. Иногда вся толпа ревѣла отъ удовольствія.

Послѣ прыганья слѣдовали опять хороводы, опять удары въ ладоши и очередь, такимъ образомъ, доходила опять до Алены.

Въ промежуткахъ, когда пѣсни прекращались, происходила выпивка, причемъ однако прикащикъ наблюдалъ, чтобы это было „въ мѣру“, такъ какъ много выпившій могъ легко упасть въ костеръ.

А между тѣмъ всеѣмъ уже стемнѣло. Багровое зарево стояло надъ прудомъ, огненные костры отражались въ прудѣ, какой-то неопредѣленный гулъ, похожій на жужжаніе пчелъ, носился въ воздухѣ. По темному небу неслись клочковатые черныя облака. Вѣтеръ крѣпчалъ. На востоцѣ показалась

луна. Она то пряталась въ тучахъ, то на минуту выплядывала, точно любопытствуя посмотрѣть на наше деревенское празднество.

Въ виду измѣнившейся погоды мы поспѣшили обратиться съ своихъ мѣстъ и предоставили участникамъ пиршества скакать и пѣть сколько имъ угодно.

Быстро шли мы по опустѣлой улицѣ, направляясь домой. Всѣ молчали. Вдругъ—слышимъ какой-то почти нечеловѣческій голосъ тихо поетъ:

Со святыми упокой...

Мы остановились. Въ наступившей темнотѣ нельзя было хорошо разсмотрѣть ничего. Виднѣлись только темные силуэты хатъ направо и налево, да пыльная дорога тянулась передъ нами свѣтлой полосой.

— Это еще что? отозвался отецъ. Кто тутъ?

Отвѣта нѣтъ.

— Кто тутъ? я спрашиваю.

Опять слышится уже въ нѣсколькихъ шагахъ:

Надгробное рыданіе...

— Тьфу ты! напугала какъ! да вѣдь это дурочка-Дунька!

Луна блеснула въ это время и мы увидѣли передъ собой какую то страшную фигуру: высокую, босую, худую, одѣтую въ длинную рубаху; всклокоченные сѣдые волосы подымались на головѣ цѣлой копной сѣна, глаза впалые блестящіе смотрѣли впередъ и ничего не видѣли или, лучше сказать, дурочка ни на что не обращала вниманія и шла по прямой линіи.

Мы посторонились и прижались къ отцу. Дунька прошла такъ близко, что задѣла локтемъ гувернантку, медленно размахивала костлявымъ пальцемъ, точно дирижировала хоромъ, и продолжала свое похоронное пѣніе.

— Ахъ, какой ужасъ! Herr Iesus! прошептала Амалія Васильевна... Я еще никогда не видала такого страшилища!.. что же это ее не отправятъ въ сумасшедшій домъ?

— Да она никому не мѣшаетъ! пояснилъ отецъ. Только

испугать можетъ. То сидить чуть не по годамъ у насъ на скотномъ дворѣ, то вдругъ начнетъ ходить вездѣ по полямъ, лѣсамъ, оврагамъ и все поетъ: „Со Святыми упокой“.

— Отчего-же она помѣшалась? допытывала нѣмка.

— Исторія довольно темная. Была она красавица, служила горничной у одного изъ помѣщиковъ. Потомъ... схоронила своего ребенка и на томъ рехнулась. Помѣщикъ выгналъ ее изъ усадьбы какъ дармоѣдку. Вотъ и все!

Однако дурочка такъ напугала меня, что я даже и о папоротникѣ забылъ. Придя домой, я не могъ почти ужинать; въ каждомъ темномъ углу мнѣ чудились большіе впалые глаза и сѣдые волосы.

Но вотъ убрали со стола. Круглые часы монотонно пробили десять. На дворѣ звонко загудѣла чугунная доска, и караульщикъ затынулъ глухимъ теноромъ: „слу-шай“!

Отецъ отворилъ окно. Туча надвинулась, луна окончательно скрылась. Сильный вѣтеръ реветъ въ лѣсу...

Боязливо поглядывалъ я въ балконную дверь. Деревья слились въ какую-то черную безформенную массу, которая ничѣмъ не отличалась отъ такого же черного неба. Брызнулъ дождь.

— Какъ-же это я пойду? думалось мнѣ. Теперь и двухъ шаговъ ступить нельзя! Нельзя добраться даже до недостроенной бесѣдки. Впрочемъ—подождемъ: до полуночи еще далеко.

Наконецъ, всѣ разошлись по своимъ комнатамъ. Во всемъ домѣ воцарилась тишина.

Конечно, я, не раздѣваясь, улегся въ постель и прикрылся одѣяломъ. Подъ стукъ дождевыхъ капель, подъ вой вѣтра дремота стала одолевать. Напрасно старался я таращить въ темнотѣ глаза—вѣки сами собой опускались. Какія-то видѣнія толпились и кружились передо мной, дурочка-Дунька вставала и вытягивалась бѣлымъ, длиннымъ призракомъ изъ подъ половицы, вѣтка папоротника съ огненнымъ цвѣткомъ колыбалась надъ головой... Не помню долго ли пролежалъ я

въ такомъ забытьѣ, но вотъ... сдѣлавши нечеловѣческія усилія, приподнялся на постели и съ испугомъ оглядѣлся. Ставни плотно закрыты.

Густая тѣма наполняла комнату. Тишина была мертвая кругомъ. Я всталъ на ноги и осторожно вышелъ въ залъ. Въ окно ярко свѣтила луна, небо очистилось, вѣтеръ стихъ, туча прошла.

Въ восторгѣ подскочилъ я къ часамъ—стрѣлка показывала половину двѣнадцатаго.

— Боже! чуть не опоздалъ! скорѣе, скорѣе!.. но, какъ пройти мимо спящихъ лакеевъ? они услышатъ, не пустятъ... завтра отцу пожалуются!.. Ба, вотъ счастливая мысль!

И я тихими шагами направился къ балконной двери въ гостиную, осторожно, съ замираніемъ сердца, отворилъ ее и вышелъ въ цвѣтникъ.

Чудный ароматный воздухъ охватилъ меня. Грудь такъ легко дышала... Откуда-то издалека слышалась звонкая пѣснь запоздалой „дивчины“:

Купався Иванъ,

Та въ воду упавъ...

Недолго думая, я направился по большой аллеѣ. Въ по-
пыхахъ была забыта фуражка. Только въ рукѣ блестяль
открытый перочинный ножикъ, захваченный про всякій
случай.

Темныя акаціи точно наклонились надо мною и я сразу очутился въ полутьмѣ.

Мечты о цвѣткѣ заездили въ мозгу.

— Вотъ недалеко отъ той горы стоитъ кустъ... Какъ приду, сяду около него и буду ждать. Говорятъ при этомъ всякіе страхи на челоѣка нападаютъ, всякіе уроды являются... но на это ненадо обращать вниманія и только шептать про себя: „чуръ меня, чуръ“!.. Да и чего тутъ страшнаго можетъ явиться!..

Ободряя себя такимъ образомъ, я добрался до бесѣдки. Но, странное дѣло! взглянувши на нее, мнѣ вдругъ стало

какъ-то неловко—она, эта недодѣланная бесѣдка, глядѣла на меня своими полукруглыми пустыми окнами и смѣялась. Да, смѣялась!.. я какъ будто слышалъ ея сдержанный хохотъ, какъ будто видѣлъ, какъ она щурится и скалитъ зубы.

Холодный потъ выступилъ у меня на лбу, но я, не останавливаясь, повернулъ на лѣвую дорожку, чтобы продолжать путь. Оглянуться очень хотѣлось, но—этого по правилу не полагалось, и я сжимая судорожно ножичекъ подвигался впередъ.

Вотъ и полянка, на которой стоятъ лавочки и столикъ. Луна ярко освѣщаетъ все предметы кругомъ: кусты, цвѣты, деревья—все это блеститъ обмытое дождемъ... Холодкомъ повѣяло откуда-то, вѣрно родникъ недалеко гдѣ нибудь...

По тропинкѣ, продѣланной мною еще утромъ, я зашагалъ въ чащу, еще минута—и я у куста папоротника.

— Ну, сейчасъ начнется! надо набираться побольше храбрости!

И дѣйствительно, не успѣлъ я присѣсть на мягкій, мокрый мохъ, въ тѣни громадныхъ развѣсистыхъ вѣтвей малины, и едва сталъ осматривать ту часть лѣса, которая примыкала къ полянкѣ,—какъ обмеръ отъ страха... По той самой дорожкѣ, по которой я только что прошелъ, двигалось какое-то чудовище. Оно было громадныхъ размѣровъ, походило на человѣка, закутаннаго въ свитку и опиралось о высокую палку. Голова покрыта была высокой войлочной шляпой. Поля ея надвинулись на глаза и затѣняли верхнюю часть лица, нижняя—скрывалась подъ черной, густой бородой.

Медленно шагая, оглядываясь по сторонамъ, точно ища кого-то, чудовище пошло дальше въ лѣсъ и скрылось за густыми кустами.

— Лѣсовикъ! подумалъ я. Хорошо что не замѣтилъ меня.

Дрожа отъ страха и холода, сидѣла моя жалкая фигурка подъ мокрыми листьями. Вдругъ страшный хохотъ раздался надъ моей головой и изъ темноты вылетѣло что-то большое съ крыльями. Лицо, съ крѣпковатымъ носомъ, двумя рогами

на лбу и огненными глазами, какъ будто взглянуло на меня...

Я совсѣмъ застылъ на мѣстѣ. „Это летающее существо“ несло въ рукахъ что-то бѣлое, кричащее жалобно о помощи, и медленно, неслышно размахивая мягкими крыльями, скрылось въ вышинѣ.

Наступила опять мертвая тишина. Около папоротника стояли бѣлыя полевые маргаритки, желтый дрокъ, кашка... И, странное дѣло! всѣ они смотрѣли на меня и еле удерживались отъ смѣха... Я сдѣлалъ усиліе надъ собою и чтобы ободрить себя окончательно принялся шептать:

— Все это мнѣ представляется!.. цвѣты не могутъ, кажется, смѣяться!.. это пугаютъ, чтобы я ушелъ отсюда...

Прошло еще нѣсколько минутъ. Я отвернулся отъ насмѣшливыхъ цвѣтовъ, пересталъ смотрѣть по сторонамъ и впился глазами въ почки молодыхъ, спирально закрученныхъ, листьевъ...

Но, что это?... неужели это не сонъ?—Въ темнотѣ, гдѣ-то у корня блеснулъ зеленоватый огонекъ!.. Сердце у меня дрогнуло... Вотъ онъ скрылся, вотъ опять мигнулъ на мгновенье... Я протянулъ руку, разставилъ пальцы, — фосфорическое пламя показалось еще разъ—я быстро схватилъ его и сжалъ въ кулакъ.

Сейчасъ начнется!.. думалось мнѣ... и не двигаясь, закрывъ глаза, ожидалъ какого-нибудь рева, хохота, крика...

Но все было тихо... Лѣсъ точно заснулъ.

Я приподнялся, оглянулся кругомъ, осторожно разжалъ пальцы—свѣтитъ!.. „разрывъ трава“ у меня въ кулакъ!..

Съ восторгомъ кинулся я на дорожку... Страхъ миновалъ, все прежнее было забыто... съ сильно бьющимся сердцемъ зашагалъ я домой.

Вотъ опять и бесѣдка... Но, теперь она серьезна; даже улыбки не замѣчаю я въ ней.

— То-то; голубушка!.. теперь ты въ моей власти!..

Выбрался и на длинную, большую аллею. Вдали еле

видѣется стѣна дома, рѣзко обозначаются окна, облитыя яркимъ луннымъ блескомъ.

— Однако странно!.. что это вышло сейчасъ изъ-за куста?.. что-то бѣлое, длинное, какъ кажется воздушное... Даже тихій налетѣвшій порывъ вѣтерка будто колышетъ его!.. Боже!.. это „что-то“ двигается на встрѣчу ко мнѣ!..

Вся моя храбрость исчезла. По спинѣ пробѣжала холодокъ... Я забылъ, что у меня въ рукѣ „разрывъ трава“ и ни живъ, ни мертвъ, прислонился къ дереву.

Медленно двигалось бѣлое видѣніе. Вотъ уже можно различить длинную одежду, сѣдые всклокоченные волосы... Костлявый указательный палецъ правой руки точно грозитъ мнѣ и среди тишины ночи замогильный голосъ запѣлъ:

Со святыми упокой...

— Господи! это Дунька!..

И она показалась мнѣ страшнѣе лѣсовика, ужаснѣе хохочущаго дьявола, который на моихъ глазахъ унесъ душу ребенка. Колѣна невольно подогнулись, и я опустился на землю.

Дурочка была около и безцѣльно смотрѣла прямо противъ себя. Въ это время мой перочинный ножикъ выскользнулъ изъ окоченѣвшихъ пальцевъ лѣвой руки и скатился прямо подъ ноги видѣнію, сверкнувъ своимъ стальнымъ лезвіемъ.

Дунька вздрогнула, остановилась и взглянула на меня. Луна, выплывшая на средину неба, освѣтила ее въ эту минуту и помню я, какъ потухшіе глаза вдругъ сверкнули какимъ-то страннымъ огонькомъ, она протянула руки и съ дикимъ визгомъ кинулась ко мнѣ.

— Алешка, мой дорогой!.. наконецъ-то я тебя отыскала!..

Вѣроятно, мой крикъ, вырвавшійся невольно, былъ еще сильнѣе, чѣмъ радостный возгласъ матери, но, отъ страха, я потерялъ сознаніе. Точно во снѣ помню, какъ схватили меня костлявые пальцы, какъ сжали меня сильные мускулы... Смутно сознавалъ я, что дурочка побѣжала со мною куда-то..... Бѣжала она вѣроятно быстро, очень быстро, потому что я чувствовалъ свистъ вѣтра въ моихъ ушахъ... Надо мной скло-

нялась съдая голова, слышался затаенный радостный шепотъ: „Не отдамъ тебя, мой сыночекъ, не отдамъ ни кому на свѣтѣ!..“ Затѣмъ и это неопредѣленное сознаніе исчезло...

Очнулся я у себя въ комнатѣ, на постелѣ. Кругомъ суетились отецъ, мать, гувернантка... Не шеѣ и рукахъ жгли горчичники, на головѣ лежала холодная повязка.

— Слава Богу, пришелъ въ себя! говорилъ мой отецъ, цѣлуя меня.

Но я долго не могъ понять, какимъ чудомъ совершилось мое спасеніе. Мнѣ хотѣлось говорить, хотѣлось спросить объ этомъ; но, вмѣсто словъ, помимо воли, вырывались изъ груди рыданія, горло сжималось какъ тисками, текли слезы..

Истерическіе припадки долго не давали возможности узнать что-нибудь. Только къ утру, послѣ тяжелаго сна, я немного оправился. Оказалось, что около полуночи, нашъ караульщикъ, во время обхода лѣса, вдругъ увидѣлъ бѣгущую Дуньку съ ребенкомъ на рукахъ. Съ ужасомъ замѣтилъ онъ, что ребенокъ былъ никто иной какъ я, и бросился за нею слѣдомъ. Ужъ на концѣ лѣса удалось ему нагнать ее и насилу „отбить“ меня. Я былъ въ безсознательномъ состояніи и шепталь „чуръ меня, чуръ!“

Само собою разумѣется, что дома всѣ были страшно перепуганы, когда караульщикъ принесъ меня въ такомъ ужасномъ видѣ.

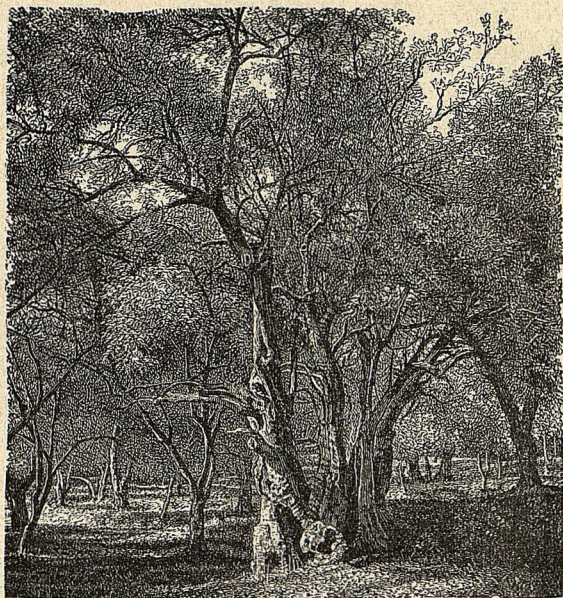
Въ сжатой рукѣ нашли мокрый мохъ и раздавленный „Ивановъ червячокъ“, который я счелъ за цвѣтокъ папоротника.

Долго послѣ этой исторіи, Амалія Васильевна сердилась и повторяла:

— Если-бъ побольше слушалъ меня, то никакія глупости не полѣзли бы въ голову... А то, шутка сказать, въ полночь ходить одному по лѣсу за какими-то несуществующими цвѣтками!

Я слушалъ понуря голову и ничего не могъ возразить противъ этого, такъ какъ сознавалъ свою собственную вину.
Дуньку увезли въ другое имѣніе.

Н. Сорокинъ.

ГРУСТЬ.

(Изъ Анри Казалиса).

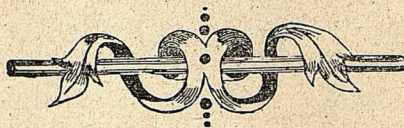

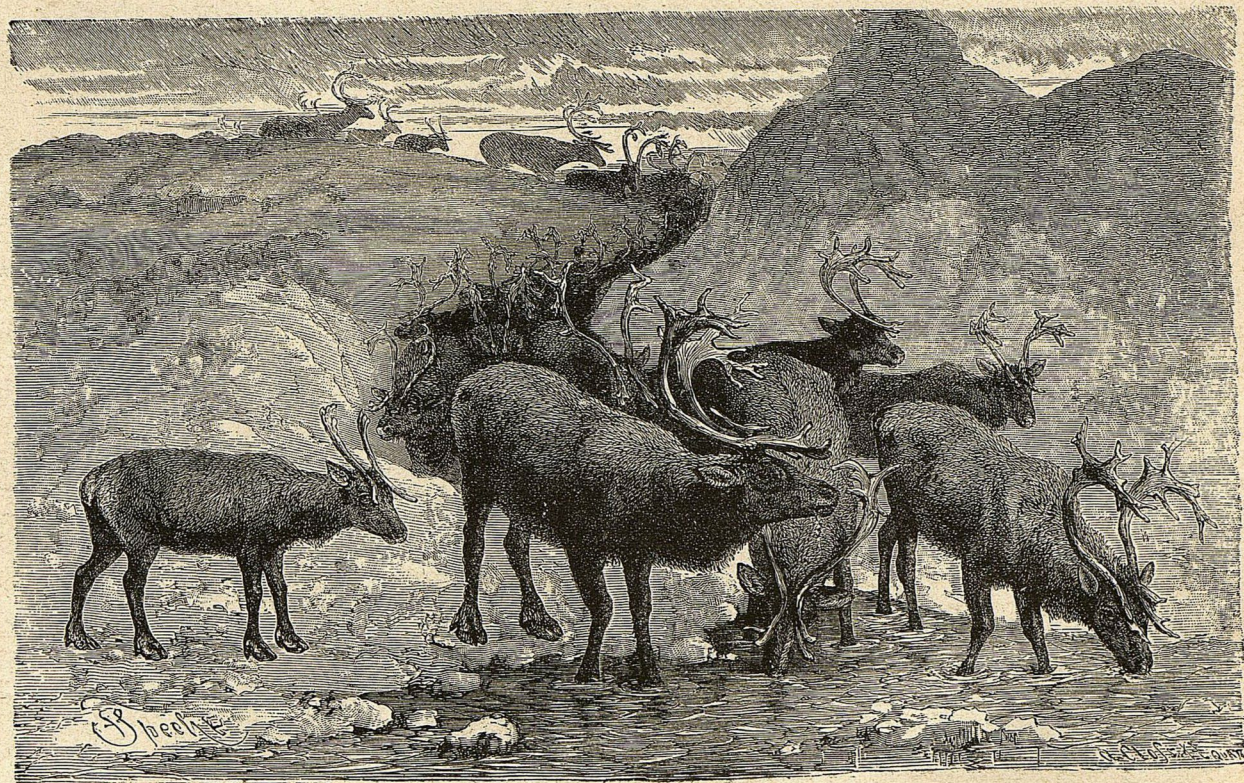
ЕСКОМЪ занесенный, холодный гранить
О дубъ привольно растущемъ тоскуетъ,
Что гордо съ вершины скалистой глядитъ
И, въ золотѣ солнца купаясь, ликуетъ.

И грустенъ, и хмурится дубъ вѣковой,
Любуясь, какъ вольные скачутъ олени,
Какъ съ криками радости полной, живой
Вѣгутъ они въ лѣсъ подь зеленныя сѣни.

Скучаетъ олень о могучемъ орлѣ,
Что пьетъ столько свѣта, къ лазури взлетая,—
И полонъ тоски человѣкъ на землѣ,
О Богѣ великомъ и вѣчномъ мечтая.

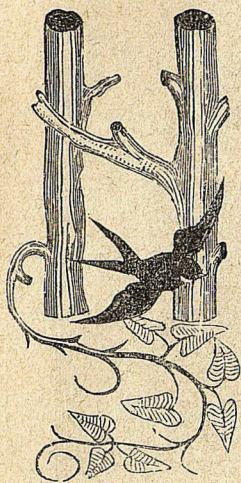
Петръ Рыковъ.

ОЛЕНИ НА ВОДОПОЉ

МОЯ БѢЛА.

АША деревня была очень небольшая и стояла около огромнаго, густаго лѣса, тянувшагося на нѣсколько десятковъ верстъ. Маленькій домикъ, гдѣ я провелъ свое дѣтство съ отцемъ и работницей Анисьей, (матери своей я не помню, она умерла, когда мнѣ еще не было двухъ лѣтъ), стоялъ на самомъ краю деревни, почти въ лѣсу. Наши сосѣди почему-то не долюбливали отца и мало водили съ нимъ дружбу, да и отецъ не особенно, кажется, дорожилъ людскимъ обществомъ. Никогда не слышалъ я, чтобы онъ весело разговаривалъ съ сосѣдами за стаканчикомъ какого-нибудь напитка, почти никогда не ходилъ онъ ни на свадьбы, ни на крестины, ни на какія другія пирушки, а если и ходилъ, то не принималъ участія въ шумныхъ бесѣдахъ, и сидѣлъ молча, насупившись, точно недовольный. Можно было по наружности принять его за человѣка злаго; но всякій, кто узнавалъ его покороче, долженъ былъ сознаться, что наружность обманчива, и что, напротивъ, онъ очень, очень добрѣ. Я рано узналъ это: его суровый видъ и нахмуренныя брови нисколько не пугали меня, крошечнымъ мальчуганомъ влѣзалъ я къ нему на плечи, теребилъ его длинную всклоко-

ценную бороду, заставлялъ его дѣлать себѣ дудки и хлысты, распрашивалъ его обо всемъ, что приходило мнѣ въ голову. Онъ никогда не ласкалъ меня, какъ ласкають матери, часто сердито ворчалъ на меня, но я зналъ, что во всякой своей бѣдѣ смѣло могу обратиться къ нему, что онъ и выслушаетъ меня, и поможетъ мнѣ, что, когда я боленъ, онъ не спитъ по цѣлымъ ночамъ, ухаживая за мной, что, когда у насъ въ домѣ мало хлѣба, онъ не ѣстъ цѣлый день, чтобы не оставить меня голоднымъ,—однимъ словомъ, я зналъ, что онъ сильно, горячо любитъ меня. Послѣ меня, мнѣ даже часто казалось, что не послѣ, а наравнѣ со мной, онъ любилъ нашъ лѣсъ, нашъ огромный, красивый лѣсъ. Онъ занималъ должность лѣсничаго, т. е. долженъ былъ сторожить, чтобы никто, безъ дозволенія хозяина, лѣса не рубилъ и не портилъ въ немъ деревьевъ, и большую часть времени, какъ лѣтомъ, такъ и зимою проводилъ въ этомъ лѣсу. И я, какъ себя помню, почти всегда былъ тамъ неразлучно съ нимъ. Въ нашей деревнѣ, какъ нарочно, совсѣмъ не было мальчиковъ однихъ лѣтъ со мной, были или совсѣмъ маленькіе пискуны или напротивъ ужъ очень большіе, которые обижали меня. Дѣвочекъ ровесницъ мнѣ было пять, шесть; но, извѣстно, что мальчики не любятъ, даже стыдятся играть съ дѣвочками. Такимъ образомъ, мнѣ приходилось жить одному безъ товарищей. Сидѣть дома съ глухой Анисьей было скучно, то ли дѣло въ лѣсу! Какъ тамъ хорошо весной, когда въ тѣнистыхъ закоулкахъ еще лежитъ снѣгъ, въ другихъ мѣстахъ бѣгутъ тоненькіе, свѣтлые ручейки только что оттаявшей воды, а тамъ, гдѣ пригрѣло солнышко, уже зеленѣетъ трава, бѣлѣютъ подснѣжки. На деревьяхъ распускаются почки, вездѣ такой чудесный запахъ, что кажется, не надышался бы имъ, а птички поютъ и перекликаются на тысячу ладовъ, точно хотятъ вознаградить себя за зимнюю скуку. Лѣтомъ въ лѣсу еще лучше: такъ зелено, свѣжо, прохладно! Сколько ягодъ и грибовъ набирали мы съ отцомъ, какъ ловко влѣзалъ я на самыя

высокія деревья, чтобы хорошенько разсмотрѣть какое-нибудь гнѣздо. И зимой въ лѣсу было не дурно. Тогда все тамъ было тихо, не слышно было птичьихъ голосовъ, деревья стояли спокойно, неподвижно, протягивая свои длинныя вѣтви, покрытыя густымъ слоемъ инея, они точно спали или о чемъ-то задумались. Снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами, и вдругъ среди общей тишины вдали раздавался вой голодныхъ волковъ. Мнѣ становилось жутко, я боязливо прижимался къ отцу; а онъ успокаивалъ меня: „Чего боишься, глупый, насъ не съѣдятъ, видишь ружье“!

И онъ бралъ въ руку заряженное ружье, висѣвшее за спиной его. Я нѣсколько успокаивался, но все-таки вздыхалъ свободнѣе, когда вой умолкалъ.

Осенью я очень жалѣлъ нашъ лѣсъ. Вѣтеръ такъ безжалостно обрывалъ всѣ листья на деревьяхъ и трепалъ ихъ голыя сучья, а на вѣтвяхъ точно слезы висѣли тяжелыя капли дождя. Мнѣ казалось, что березы, рябины и осины должны въ это время завидовать своимъ сосѣдкамъ-елямъ и соснамъ: тѣ по крайней мѣрѣ оставались зелеными, не теряли своей одежды, а эти стояли такія голыя, обиженные!

Отецъ зналъ въ лѣсу всякую тропинку, всякую полянку, чуть не всякое дерево и меня училъ тому же. Десяти лѣтъ я смѣло могъ уходить въ лѣсъ версты за четыре, за пять отъ деревни и никогда не сбивался съ дороги. Со всѣми жителями нашего лѣса я былъ также болѣе или менѣе коротко знакомъ, съ нѣкоторыми даже водилъ дружбу. Я безошибочно зналъ, какая птица предпочитаетъ какую породу деревьевъ для своихъ гнѣздъ; взявъ въ руки яичко, я всегда зналъ, какая птичка снесла его, много разъ спрятавшись въ кусты, я любовался играми молодыхъ лисятъ и зайчатъ или, крадучись тихонько по мягкому моху, слѣдилъ за ежомъ, который, выставивъ всѣ свои колючки, катался по землѣ и затѣмъ тащилъ сухіе листья, приставшіе къ игламъ въ какой-нибудь укромный уголокъ, гдѣ приготовлялъ себѣ постельку для зимняго сна. Разъ даже мы съ отцомъ на-

ткулись въ лѣсу на цѣлое семейство маленькихъ медвѣжатъ. Медвѣдицы къ счастью съ ними не было, но все-таки отецъ далъ мнѣ полюбоваться смѣшными, неуклюжими, маленькими мишками только нѣсколько минутъ и поспѣшилъ увести меня подальше отъ нихъ. Я зналъ почему это дѣлалъ мой добрый отецъ, у него было съ собой хорошее ружье; онъ, конечно, безъ труда могъ застрѣлить медвѣдицу, но ему жаль было сдѣлать это, жаль было лишить матери маленькихъ медвѣжатъ, которые были еще слишкомъ малы, чтобы заботиться сами о себѣ. Зимой отецъ часто ходилъ на охоту, и не мало хищныхъ звѣрей погибло въ нашемъ лѣсу отъ его руки. Но онъ никогда не мучилъ животныхъ, никогда не дѣлалъ имъ зла, пока они еще малы, беззащитны.

Пусть и они поживутъ себѣ спокойно, порадуются теплomu времечку, говорилъ онъ съ любовью, поглядывая на какого-нибудь маленькаго звѣрушку, — убьешь ты его мать, онъ долженъ замучиться, погибнуть, и пользы отъ него никому не будетъ, видишь онъ еще и шубки себѣ порядочной не нажилъ.

Меня отецъ также приучалъ любить и не мучать животныхъ. Онъ не только не позволялъ мнѣ, какъ дѣлали у насъ въ деревнѣ другія дѣти, разорять птичьихъ гнѣздъ, но даже былъ недоволенъ, когда я ловилъ бабочекъ или собиралъ Божьихъ коровокъ.

— На что они тебѣ? говорилъ онъ, замучишь ихъ и только, а вѣдь и имъ хочется пожить! Жизнь ихъ ни вся-то не долга, нѣсколько дней, а ты и ту у нихъ отнимаешь, не хорошо!

Мнѣ становилось стыдно, я разжималъ пальцы и бабочка улетала, сверкая на солнцѣ своими пестрыми, блестящими крылышками; я открывалъ коробочку, въ которой копошилось десятка два Божьихъ коровокъ, обрадовавшись свободѣ, онѣ суетливо расползались въ разные стороны и вдругъ, точно сговорившись, вытаскивали изъ подъ красныхъ, жесткихъ надкрыльевъ свои тоненькія, прозрачныя крылышки и такъ

быстро исчезали въ воздухѣ, что я не успѣвалъ услѣдить за ними глазомъ.

Отецъ не любилъ, чтобы я мучилъ животныхъ; но онъ не запрещалъ мнѣ ловить ихъ и держать у себя съ тѣмъ только, чтобы я о нихъ заботился, кормилъ ихъ и не дѣлалъ имъ зла. Онъ даже отдалъ для моего звѣринца чердакъ нашего дома,—и какихъ только животныхъ у меня тамъ не перебивало! Сколько личинокъ окуклилось и, превратившись въ хорошенькихъ бабочекъ, вылетѣло изъ моего окна, сколько головастиковъ стало лягушками въ моей большой стеклянной банкѣ, сколько зябликовъ, малиновокъ, чижей, не успѣвшихъ или не имѣвшихъ силъ улетѣть въ теплыя страны съ своими товарищами, находили у меня зимой пріютъ и кормъ! То цѣлая семья кроликовъ грызла листья въ углу моей комнаты, то ежъ заботливо обходилъ ее со всѣхъ сторонъ, отыскивая и истребляя прусаковъ, то хорошенькая ласочка совала всюду свою любопытную мордочку и при моемъ входѣ съ ласковымъ пискомъ бѣжала ко мнѣ на встрѣчу, однимъ прыжкомъ вскакивала мнѣ на грудь и пряталась подъ мою рубашку. Весной мнѣ по большей части приходилось разставаться со своими зимними жильцами, особенно съ птицами. Имъ становилось тѣсно и душно въ комнатѣ, ихъ манило на свободу, на чистый воздухъ, въ зеленый просторъ лѣса. Они скучали, дѣлались беспокойными, и я принужденъ былъ часто, по правдѣ сказать, со слезами на глазахъ, проститься съ ними и отворить имъ окно. Впрочемъ, одна ласка прожила у меня три года, ежъ—два года и до того привыкъ ко мнѣ, что потомъ, встрѣчая меня въ лѣсу, не ерошилъ своихъ иглъ, даже позволялъ гладить и ласкать себя. Птицы, спасенныя мною отъ зимней стужи, часто становились до того ручными, что свивали гнѣзда недалеко отъ нашего дома и все лѣто смѣло брали пищу у меня изъ рукъ, садились мнѣ на голову и на плечи.

Много друзей было у меня въ лѣсу, но съ однимъ звѣркомъ мнѣ никакъ не удавалось подружиться, хотя онъ мнѣ

правился чуть ли не больше всѣхъ другихъ. Я говорю о бѣлкѣ. Я не могъ довольно налюбоваться тою легкостью и быстротой, съ какой она перескакивала, можно просто сказать, перелетала съ одного дерева на другое, спускалась съ самой верхушки на землю и опять поднималась на верхъ, почти не касаясь вѣтвей своими тоненькими лапочками. А какъ мило сидѣла она на сучкѣ, закрывшись своимъ пушистымъ хвостомъ и держа орѣшекъ въ переднихъ лапкахъ! Мнѣ страхъ какъ хотѣлось поймать ее, рассмотреть поближе, если можно приручить. Но какъ это сдѣлать? Она такъ ловко бѣгаетъ, скачетъ и лазеетъ, что за ней не угнаться! Много разъ до крови царапалъ я себѣ лицо и руки, пробираясь вслѣдъ за ней въ чащу, много панталонъ и рубашекъ разорвалъ я, влѣзая за ней на высокія деревья, но все напрасно. Одинъ разъ, впрочемъ, я чуть было не поймалъ молоденькую бѣлочку. Полѣзъ я, самъ не помню за чѣмъ, на дерево, сукъ, за который мнѣ пришлось ухватиться руками, сильно закачался, смотрю, а на этомъ суку сидитъ бѣлка. И не бѣжитъ отъ меня, какъ всѣ ея подруги, а смотритъ прямо мнѣ въ глаза какъ-то испуганно, растерянно.

— Что это съ ней? Не испугалась ли, какъ я качнулъ сукъ? мелькнуло у меня въ головѣ, и я, чтобы испытать, принялся еще больше трясти дерево. Да, дѣйствительно, бѣлочка боялась, она до того растерялась, что не думала искать спасенія въ бѣгствѣ, а напротивъ все больше прижималась къ качавшемуся суку. Я рѣшился воспользоваться ея глупостью и, не переставая трясти дерево, осторожно приближался къ ней. Наконецъ, я протянулъ руку и схватилъ ее. О радость, желанная добыча поймана! Крѣпко держа плѣнницу въ рукахъ, сталъ я потихоньку сползать съ дерева, дѣйствуя однѣми ногами. Но ахъ, торжество мое было преждевременно! Очувившись въ рукахъ моихъ, бѣлка должно быть очнулась отъ своего страха, опасеніе придало ей силы, и она пустила въ ходъ всѣ средства, чтобы возвратить себѣ свободу. Она царапала меня своими ногтями и вдругъ вонзила

мнѣ въ руку свои острые зубки. Боль была страшная, я не выдержалъ, вскрикнулъ, свалился съ дерева и, конечно, выпустилъ изъ рукъ свою плѣнницу. Она исчезла въ зеленой чащѣ прежде, чѣмъ я успѣлъ подняться на ноги. Я вернулся домой съ окровавленной рукой, съ шишкой на лбу, но съ твердой рѣшимостью поставить на своемъ, и такъ или иначе овладѣть несноснымъ звѣрькомъ. Въ этотъ годъ мнѣ впрочемъ, не смотря на всѣ мои усилія, не удалось привести въ исполненіе этого рѣшенія, но на слѣдующій я былъ счастливѣе.

Бродилъ я какъ-то одинъ по лѣсу въ свѣтлое весеннее утро. Смотрю вверхъ—на деревьяхъ нѣсколько вороньихъ гнѣздъ. Захотѣлось мнѣ узнать пусты ли они, вылетѣли ли уже всѣ воронята, впрочемъ былъ увѣренъ, что давно вылетѣли, да просто деревья слишкомъ соблазнительно протягивали свои вѣтви, покарабкаться хотѣлось. Влѣзъ на дерево, смотрю, одно гнѣздо пустое, другое также, въ третьемъ мнѣ показалось что-то шевелится. Я къ нему. Боже мой, что это? Въ гнѣздѣ не воронята, а двѣ крошечныя должно быть недавно родившіяся бѣлочки. Я наклонился, чтобы поближе разсмотрѣть малютокъ, въ листьяхъ раздался шорохъ и въ одно мгновеніе откуда ни возьмись большая бѣлка. Она сверкнула на меня своими темными глазками, схватила въ зубы одного изъ дѣтенышей и, прежде чѣмъ я успѣлъ опомниться, исчезла съ нимъ въ густой листвѣ. Я зналъ, что у бѣлокъ бываетъ обыкновенно по нѣсколько гнѣздъ и что для спасенія своихъ дѣтенышей отъ опасности, онѣ переносятъ ихъ съ мѣста на мѣсто.

— Ишь, гадкая, подумалось мнѣ, и разсмотрѣть то малютку не дала, сейчасъ и другаго утащить! Нѣтъ, дудки! Большія не даются мнѣ въ руки, такъ я возьму хоть маленькую, воспитаю, приучу...

Задумано, сдѣлано. Я осторожно взялъ въ руку маленькое созданье, поспѣшно слѣзъ съ дерева, пока не пришла бѣлка-мать и быстрыми шагами направился къ дому, стараясь какъ можно деликатнѣе держать свою добычу. Бѣдная ма-

лутка дрожала и жалобно попискивала у меня въ рукахъ. Я согрѣвалъ ее своимъ дыханіемъ, тихонько ласкалъ, даже заговаривалъ съ ней, стараясь ободрить и утѣшить ее, но она видимо не понимала моего желанія быть къ ней какъ можно добрѣе и вовсе не чувствовала себя хорошо.

У самыхъ воротъ нашего дома со мной встрѣтился отецъ.

— Что это ты такое тащишь? спросилъ онъ.

— Бѣлочку, тятя, маленькую, крошечную бѣлочку! отвѣчалъ я, и показавъ ему свою плѣнницу, рассказавъ какъ добылъ ее.

— Чѣмъ же она тебѣ помѣшала, что ты ее хочешь замучить? своимъ обыкновеннымъ суровымъ голосомъ замѣтилъ отецъ.

— Да отчего же замучить? отозвался я. Я ее буду кормить, приручу.

— Глупый! сердито сказалъ отецъ, развѣ ты не видишь, что она совсѣмъ маленькая, ей безъ матери не прожить! Ты ея не выкормишь, только задаромъ погубишь бѣднаго звѣрька!

Онъ съ сожалѣніемъ поглядѣлъ на бѣлочку и на меня бросилъ такой сердитый и презрительный взглядъ, какимъ смотрѣлъ только на людей, дѣлавшихъ что-нибудь особенно ему непріятное.

Мнѣ стало грустно.

— Неужели отецъ говорить правду? Неужели же я въ самомъ дѣлѣ не смогу выкормить бѣлочку, и она у меня умретъ съ голоду? Она такая хорошенькая, такъ жалобно глядитъ на меня! Нѣтъ, надо постараться! Не перваго звѣрька приходится мнѣ выкармливать!

Я понесъ бѣлочку на верхъ на свой чердакъ, въ которомъ уже съ недѣлю не было никакихъ жильцовъ, я уложилъ ее въ мягкое гнѣздышко изъ тряпокъ и пуху, принесъ парнаго молока и принялся кормить ее. Но ахъ, скоро я убѣдился, что отецъ былъ правъ, что всѣ мои попытки напрасны. Бѣлочка не соглашалась лизать молоко ни съ моего пальца, ни

съ листочка травы, и я не могъ заставить ее открыть ротъ, чтобы пропустить туда черезъ перышко нѣсколько капель молока, какъ я въ прошломъ году дѣлалъ съ маленькимъ коненкомъ, найденнымъ мною въ канавѣ, недалеко отъ деревни.

Боже мой, что же мнѣ дѣлать! съ трусьюю думалъ я, стоя надъ упрямымъ маленькимъ созданьемъ, продолжавшимъ дрожать и пищать, она умретъ, непременно умретъ! Какъ жаль ее бѣдненькую, да и отецъ не скоро проститъ мнѣ это, все будетъ сердиться и упрекать. Снести ее развѣ назадъ въ лѣсъ въ гнѣздо? Но идти туда далеко, я даже и не примѣтилъ хорошенько мѣста, гдѣ нашелъ ее, да и гнѣздо теперь вѣдь пусто, наврядъ ли старая бѣлка опять вернется къ нему, когда увидѣла, что малютка исчезла! Что мнѣ дѣлать? Что мнѣ дѣлать?

Стоять надъ бѣлкой и не знать, чѣмъ помочь, когда ей тяжело: мнѣ казалось, что она сильно мучится и вотъ—вотъ сейчасъ умретъ на моихъ глазахъ. Чтобы не видѣть этого, я спустился съ чердака внизъ и всталъ прохаживаться по двору, раздумывая какъ бы помочь бѣдѣ; а въ ушахъ моихъ все раздавался жалобный пискъ, мнѣ все представлялся болѣзненный потухающій взглядъ бѣднаго животного.

Вдругъ, смотрю, сосѣдская кошка, Машка, осторожно пробирается на нашей крышѣ прямо къ слуховому окну чердака. Окно я нарочно оставилъ открытымъ, чтобы освѣжить комнату, пока тамъ не было жильцовъ. Машка подошла къ нему, постояла секунду, какъ будто къ чему то прислушиваясь и однимъ прыжкомъ вскочила въ комнату.

— Господи! она задушитъ мою бѣлочку! мелькнуло у меня въ головѣ, и я побѣжалъ къ лѣстницѣ, спасать бѣдняжку, но вдругъ остановился.

Что же такое что задушить? подумалось мнѣ. Все равно бѣлочка должна умереть, такъ ужъ лучше поскорѣй! Тогда по крайней мѣрѣ и передъ отцомъ у меня будетъ оправданіе, скажу ему: „я бы могъ выкормить бѣлку, да гадкая Машка безъ меня пришла и заѣла ее“.

Эта дурная мысль удержала меня впрочемъ только на одну минуту. Мнѣ стало стыдно самого себя, и я побѣждалъ по лѣстницѣ черезъ двѣ ступени, чтобы вознаградить потерянное время и хорошенько проучить Машку.

Я отворилъ дверь съ самыми враждебными намѣреніями противъ кошки и вдругъ остановился въ удивленіи. Машка дѣйствительно была подлѣ бѣлочки, но она не только не кусала и не давила ее, а напротивъ нѣжно облизывала точно котенка, и бѣлочка повидимому съ удовольствіемъ принимала эту ласку. Я сталъ смотрѣть, что будетъ дальше... О радость, бѣлка подползла еще ближе къ кошкѣ и начала сосать ее, а кошка при этомъ ласково мурлыкала.

Я боялся шевельнуться, чтобы не спугнуть животныхъ, а сердце мое радостно билось.

Бѣлочка спасена, я избавленъ отъ упрековъ отца и собственной совѣсти, Машка милая, добрая Машка замѣнитъ мать моей воспитанницѣ.

Я вспомнилъ, что наканунѣ сосѣдка забросила маленькихъ Машкиныхъ котятъ, и съ тѣхъ поръ бѣдная кошка все ходила очень грустная, все чего-то искала. Вѣроятно, она услышала пискъ моей бѣлочки, можетъ быть, приняла ее за котенка, а можетъ быть за неимѣніемъ котятъ рѣшила отдать и свое молоко и свои ласки маленькому безпомощному созданію, нуждавшемуся въ нихъ. Какъ бы то ни было, я въ эти минуты отъ души полюбилъ Машку.

Когда бѣлочка кончила сосать и спокойно заснула, я принесъ Машкѣ цѣлое блюдо молока, я ласкалъ, цѣловалъ ее, называлъ самыми нѣжными именами, упрашивалъ остаться у меня или по крайней мѣрѣ какъ можно чаще приходить на мой чердакъ. Она, конечно, не поняла ни слова, но и мое молоко, и мои ласки пришлись ей по вкусу. Вдоволь наѣвшись и старательно умывши свою бѣленькую мордочку, она улеглась спать рядомъ со своей кормилицей, и я могъ уйти отъ нихъ вполне успокоенный и утѣшенный.

Съ этихъ поръ мнѣ больше нечего было заботиться о бѣ-

лочкѣ. Машка стала ея кормилицей и самымъ старательнымъ образомъ замѣняла ей мать. Она облизывала и обмывала ее такъ усердно, какъ бы своего котенка, согрѣвала ее своимъ тѣломъ, убаюкивала ее своимъ мурлыканьемъ, никогда не отказывала ей въ молокѣ. И бѣлочка съ удовольствіемъ принимала эти заботы. Она ласкалась къ своей воспитательницѣ, пресмѣшно обнимала ее за шею передними лапками, пробовала заигрывать съ ея хвостомъ. Молоко кошки, видимо, шло ей въ прокъ. Она быстро росла, шерсть на ней становилась длиннѣе и гуще, хвостъ дѣлался пушистѣе, она уже не сидѣла по цѣлымъ днямъ въ гнѣздышкѣ, а часто выскакивала изъ него, бѣгала по комнатѣ, влѣзала на столъ и на окно, которое мнѣ пришлось крѣпко запирасть, чтобы она совсѣмъ не улизнула отъ меня.

— Видишь, какая моя бѣлочка здоровая, хвастался я одинъ разъ передъ отцомъ, котораго упросилъ взойти на верхъ посмотрѣть на нее, а ты говорилъ, что я ее замучаю, уморю!

— А ты когда принесъ ее, зналъ, что Машка станетъ кормить ее? строго спросилъ отецъ.

Я покраснѣлъ и опустилъ голову.

— То-то же, проговорилъ отецъ, хвалиться то не чѣмъ.

И я больше не хвалился, но все таки былъ очень радъ, что мнѣ удалось таки пріобрѣсти бѣлочку и при этомъ не сдѣлать ей никакого вреда.

Я всѣми силами старался приручить свою маленькую плѣнницу, заставить ее полюбить себя. Я мечталъ, что она привяжется ко мнѣ какъ ласка, которая умерла у меня прошлую зиму и которую я оплакивалъ горькими слезами, что она точно также будетъ всюду бѣгать за мной и въ домѣ, и въ лѣсу, или сидѣть у меня на плечѣ, когда я гуляю. Съ самыхъ первыхъ дней я пріучалъ бѣлочку не бояться себя. Я часто садился подлѣ гнѣздышка, гдѣ она лежала вмѣстѣ съ Машкой, ласкалъ ихъ обѣихъ, бралъ ихъ вмѣстѣ на руки, игралъ съ ними. Потомъ, когда бѣлочка подросла, я самъ

всякій день приносилъ ей пищу, орѣхи, жолуди, еловые шишки; зная, что ей надобно побольше бѣгать и лазить, я устроилъ для нея въ родѣ лѣстницы изъ жердей и по угламъ комнаты поставилъ даже молоденькія деревца, которыя должны были замѣнить ей родной лѣсъ. Мнѣ казалось, что ей живется у меня очень хорошо. Она такъ весело прыгала съ одного угла комнаты въ другой, съ такимъ аппетитомъ грызла орѣшки, такъ оживленно глядѣла своими быстрыми глазками!

Дружба ея съ Машкой продолжалась не долго. Сначала онѣ пытались играть вмѣстѣ, но, кажется, скоро замѣтили что не пара другъ другу: Машку приводили въ ужасъ и недоумѣніе громадныя прыжки ея воспитанницы, во время этихъ прыжковъ она часто мяукала (мнѣ казалось, что она хочетъ предостеречь отъ опасности или побранить шалунью) и обыкновенно уходила куда-нибудь подальше. Бѣлочка съ своей стороны не умѣла долго подкрадываться и затѣмъ быстро набрасываться на какую-нибудь добычу, въ родѣ шуршавшей бумажки или катящагося орѣшка. Кошачьи ласки, состоящія въ постоянномъ облизываньи и обмываньи, также скоро надоѣли бѣлкѣ, и она раза два, три такъ безцеремонно оттолкнула свою воспитательницу, перепрыгнувъ при этомъ ей черезъ голову, что Машка не рѣшалась больше предлагать своихъ дружескихъ услугъ и скоро совсѣмъ перестала приходить на нашъ чердакъ.

Ко мнѣ бѣлочка совсѣмъ привыкла. Она знала мой голосъ, и какъ только я, входя въ комнату, говорилъ:

„Бѣла, здравствуй!“

Она гдѣ бы ни была, всегда въ одинъ прыжокъ очутится передо мной, сядетъ на заднія лапки, пресмѣшно сложитъ переднія и заглядываетъ мнѣ прямо въ глаза своими быстрыми, темными глазами. Она охотно брала пищу изъ моихъ рукъ, ѣла ее, сидя на моемъ плечѣ, часто даже расщелкивала для меня орѣхи и не обижалась, что я беру ядрышки. Зимой я сталъ иногда брать ее съ собой внизъ въ

комнату, особенно въ очень холодные дни, когда она зябла на чердакѣ. Она съ удовольствіемъ грѣлась около печки, но на отца и Анисью смотрѣла недовѣрчиво, даже враждебно. Анисью, которая вздумала какъ-то погладить ее, она пребольно укусила за палець, меня же никогда не кусала, и мнѣ казалось, что она меня любитъ. Раза два, три я рѣшился выносить ее во дворъ и въ огородъ. Она вела себя превосходно: бѣгала, влѣзала на деревья и на заборъ, но при первомъ моемъ зовѣ подскакивала ко мнѣ и безъ всякаго сопротивленія возвращалась со мной въ комнату. Я радовался при мысли, что совершенно приручилъ ее и уже мечталъ какъ мы будемъ лѣтомъ гулять съ ней вмѣстѣ въ лѣсу.

Настала весна. Снѣгъ растаялъ, зазеленѣла травка, на деревьяхъ развернулись молоденькіе листочки. Я сдѣлалъ съ отцомъ очень большой обходъ по лѣсу и вернулся домой съ цѣлой кучей зеленыхъ вѣтокъ и свѣжей травы для моей Бѣлы. Когда я вошелъ въ комнату на чердакѣ, меня поразили непріятный, затхлый воздухъ въ ней. Я рѣшился немножко освѣжить его. Бѣла сидѣла въ противоположномъ углу комнаты и копошилась въ зелени, видимо очень довольная моимъ подаркомъ. Я пріотворилъ окно и высунулъ въ него голову. Вдругъ что-то мазнуло меня по лицу, что-то проскользнуло мимо меня... я вздрогнулъ... смотрю, моя Бѣла уже сидитъ на заборѣ противъ меня.

„Бѣла, Бѣлынька! принялся я кликать ее, дѣлая видъ, что протягиваю ей орѣшекъ. Она посмотрѣла на меня, но вмѣсто того, чтобы по обыкновенію подскочить ко мнѣ легкимъ прыжкомъ, очутилась на деревѣ за заборомъ.

Я въ сильномъ волненіи сбѣжалъ внизъ, захвативъ съ собой цѣлую горсть орѣховъ. Бѣлки уже не было на первомъ деревѣ, она успѣла перескочить на второе, на третье. Я опять сталъ звать и манить ее, называлъ ее разными ласковыми именами, показывалъ ей орѣхи, она глядѣла на меня, глядѣла на орѣхи, но не выказывала желанія

сойдти за ними. Тогда я полѣзъ на дерево, надѣясь руками захватить ее. Она неподвижно сидѣла на вѣткѣ, точно поджидая меня. Я влѣзъ совсѣмъ близко и уже протянулъ къ ней руку, какъ вдругъ... прхъ... она съ быстротой молніи перелетѣла на сосѣднее дерево. Я за ней туда. И опять та же исторія: она точно смѣялась надо мной: подпускала меня совсѣмъ близко къ себѣ и, когда я уже почти дотрогивался до нея, вдругъ исчезала изъ-подъ моей руки. Мнѣ было и грустно, и досадно.

За третьимъ деревомъ, на которомъ она повторила со мной ту же продѣлку, шла небольшая, чистая полянка, а за ней уже начинался лѣсъ. Бѣлкѣ надобно было или махнуть назадъ и опять приблизиться къ дому, или бѣжать черезъ полянку въ лѣсъ. Она выбрала послѣднее. У меня опять явилась надежда: на гладкой землѣ бѣлки бѣгаютъ не особенно быстро, я пустился со всѣхъ ногъ и черезъ нѣсколько секундъ самой отчаянной погони нагналъ бѣглянку. Я схватилъ ее одной рукой, а другой протягивалъ ей орѣхъ. Она быстро потянулась къ орѣху, но вмѣсто того, чтобы схватить его, укусила меня за палецъ. Отъ боли я невольно разжалъ нѣсколько руку, она вырвалась у меня и въ одинъ мигъ исчезла изъ глазъ моихъ.

Обезсиленный, раздосадованный, я не могъ больше гоняться за ней и вернулся домой со слезами на глазахъ.

Первое, что бросилось мнѣ въ глаза на чердакѣ, была кучка зелени, которую я за полчаса передъ тѣмъ съ такою любовью собиралъ для своей питомицы. А она, неблагодарная, чѣмъ заплатила мнѣ за мою любовь! Мнѣ было и грустно, и досадно, первое время даже болѣе досадно, чѣмъ грустно. Не въ первый разъ приходилось мнѣ весной возвращать свободу своимъ зимнимъ питомцамъ, я всегда дѣлалъ это самъ, по доброй волѣ и до послѣдней минуты оставался съ ними въ дружбѣ. Я ласкалъ и цѣловалъ ихъ на прощанье и они по своему выказывали мнѣ расположеніе. А эта, гадкая, дразнила меня, укусила! Ахъ, какъ я на

нее злился! Я просто возненавидѣлъ всѣхъ бѣлокъ вообще. Много дней спустя, ходя по лѣсу, и слыша шорохъ въ вѣтвяхъ деревьевъ, я нарочно не поднималъ глазъ вверхъ, чтобы не увидѣть одну изъ этихъ гадкихъ тварей.

Мало по малу однако досада моя улеглась, и я пришолъ къ болѣе разумнымъ мыслямъ.

„За что я такъ сержусь на маленькую Бѣлу, думалось мнѣ, развѣ она виновата, что моя душная комната и клочки травы, которые я приносилъ ей, нравились ей меньше этого чуднаго, зеленаго лѣса. Она, правда, сдѣлала мнѣ зло, укусила меня, но вѣдь я хотѣлъ сдѣлать ей еще большее зло, лишая ее свободы. И за что должна она быть мнѣ благодарной? За то только, что я не убилъ ее. Вѣдь если бы я тогда не вытащилъ ея изъ гнѣзда, мать отлично сѣумѣла бы выкормить ее! Гдѣ-то она теперь моя, Бѣлынька? Жива ли?“

Одинъ разъ, когда я шелъ по лѣсу съ этими мыслями, вдругъ смотрю на нижнемъ суку большого дерева сидитъ бѣлка. Я подошелъ ближе, совсѣмъ близко, что за странность, она отъ меня не убѣгаетъ, подняла вверхъ переднія лапки и пристально глядитъ на меня! Боже мой! да вѣдь это она, моя Бѣла! Вотъ и темный клочекъ волосъ на концѣ хвоста и свѣтлое пятнышко подъ правымъ ухомъ! „Бѣла, Бѣлынька!“ радостнымъ голосомъ позвалъ я.

Она спустилась по суку еще ближе ко мнѣ, но только что я протянулъ руку приласкать ее, недовѣрчиво отступила назадъ. Я не сталъ ее трогать, мнѣ пріятно было видѣть, что она жива, здорова и не забыла меня. Съ этихъ поръ мы съ Бѣлой часто встрѣчались въ лѣсу. Я не пугалъ ее, не пытался поймать, и она стала относиться ко мнѣ довѣрчивѣе. Она скакала по деревьямъ и кустамъ почти рядомъ со мной и мы часто гуляли съ ней такъ довольно долго; къ концу лѣта она даже опять стала брать пищу изъ моихъ рукъ и позволять мнѣ себя гладить, но ни за что не соглашалась сѣсть ко мнѣ на плечо или выйти со мной изъ

лѣса и приблизиться къ деревнѣ. „Хорошо тебѣ теперь здѣсь прыгать и скакать, думалъ я подѣ осень, поглядывая на ея смѣлые, легкіе прыжки съ дерева на дерево, теперь тебѣ тепло, ты сыта, а каково-то будетъ зимой, когда все покроется снѣгомъ? Пожалуй, тогда пожалѣешь о моей теплой комнатѣ да о моихъ орѣхахъ“.

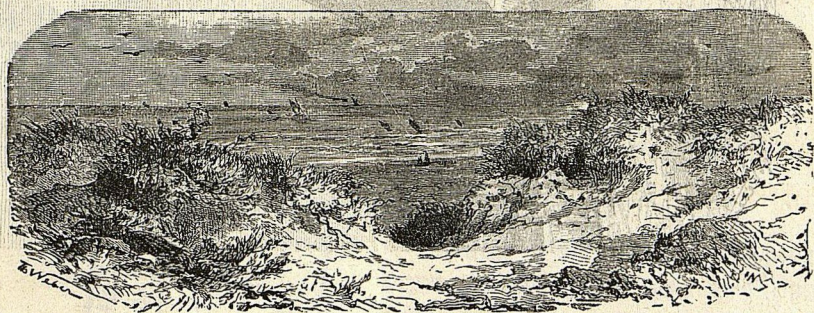
Я даже не разъ вслухъ высказывалъ Бѣлѣ свои разсужденія, но она не обращала никакого вниманія на мои умныя рѣчи.

Настала осень, и судьба Бѣлы все больше и больше беспокоила меня. Есть ли у нея убѣжище? Запаслась ли она хоть сколько нибудь пищей? спрашивалъ я себя, слѣдя за быстрыми движеніями неутомимой попрыгуньи. И вотъ, смотрю, одинъ разъ держитъ она въ зубахъ орѣхъ и не грызетъ его, должно быть, куда-нибудь несетъ. Я сталъ внимательно слѣдить за ней. Это было дѣло не легкое. Перескакивая съ дерева на дерево, съ куста на кустъ, Бѣла завела меня въ такую глушь, что я съ трудомъ могъ двигаться: ноги мои путались въ сухихъ прутьяхъ, валявшихся на землѣ, или вязли въ густомъ слоѣ полусгнившихъ листьевъ, вѣтви деревьевъ царапали мнѣ лицо, цѣплялись за мое платье, а я притомъ же долженъ былъ смотрѣть вверхъ, чтобы не упустить изъ вида своей проводницы. И вотъ наконецъ она остановилась на верхушкѣ большаго, стараго дуба. Внимательно оглядѣлась она по сторонамъ, какъ бы боясь подстерегавшихъ враговъ, быстро спустилась по стволу и... исчезла... Тутъ только я замѣтилъ, что у стараго дерева было съ одной стороны большое дупло. Чтобы не испугать Бѣлу, я притаился за кустами, подождалъ пока она вылѣзла изъ дупла, поднялась на верхушку дуба и исчезла изъ глазъ, опять перескакивая съ одного сука на другой. Тогда только я подошелъ къ дуплу и сталъ осматривать его. Это было такое глубокое и широкое отверстіе, что двухъ-лѣтній ребенокъ свободно могъ въ него спря- таться. Я запустилъ въ него руку—оно оказалось напол-

неннымъ жолудями и главное орѣхами. Орѣховъ былъ такой большой запасъ, что я даже засмѣялся. „Ну, однако же, Бѣлынька, ты не глупа, подумалъ я, ишь какая заботливая хозяйка, а я еще боялся, что она умретъ съ голоду!“

Послѣ этого я сталъ осматривать и другія дуплистыя деревья въ нашемъ лѣсу. Во многихъ находилъ я точно такіе же запасы. Вѣроятно, это были кладовыя другихъ бѣлокъ, Бѣлыныхъ подругъ, а можетъ быть и у самой Бѣлы было на всякій случай устроено нѣсколько запасныхъ магазиновъ. По крайней мѣрѣ я ясно видѣлъ, какъ она бѣжала одинъ разъ съ орѣхомъ во рту совсѣмъ не въ ту сторону, гдѣ былъ ея дуплистый дубъ. Съ этихъ поръ я пересталъ тревожиться о судьбѣ моей Бѣлы. Я зналъ, что она умѣетъ предусмотрительно заботиться сама о себѣ, а если даже среди лѣсной жизни ей придется перенести нѣкоторыя лишения, подвергнуться опасностямъ, то все же для нея лучше пожить два-три года на свободѣ, среди лѣснаго приволья, чѣмъ десять лѣтъ сидѣть запертой въ скучной, тѣсной клѣткѣ.

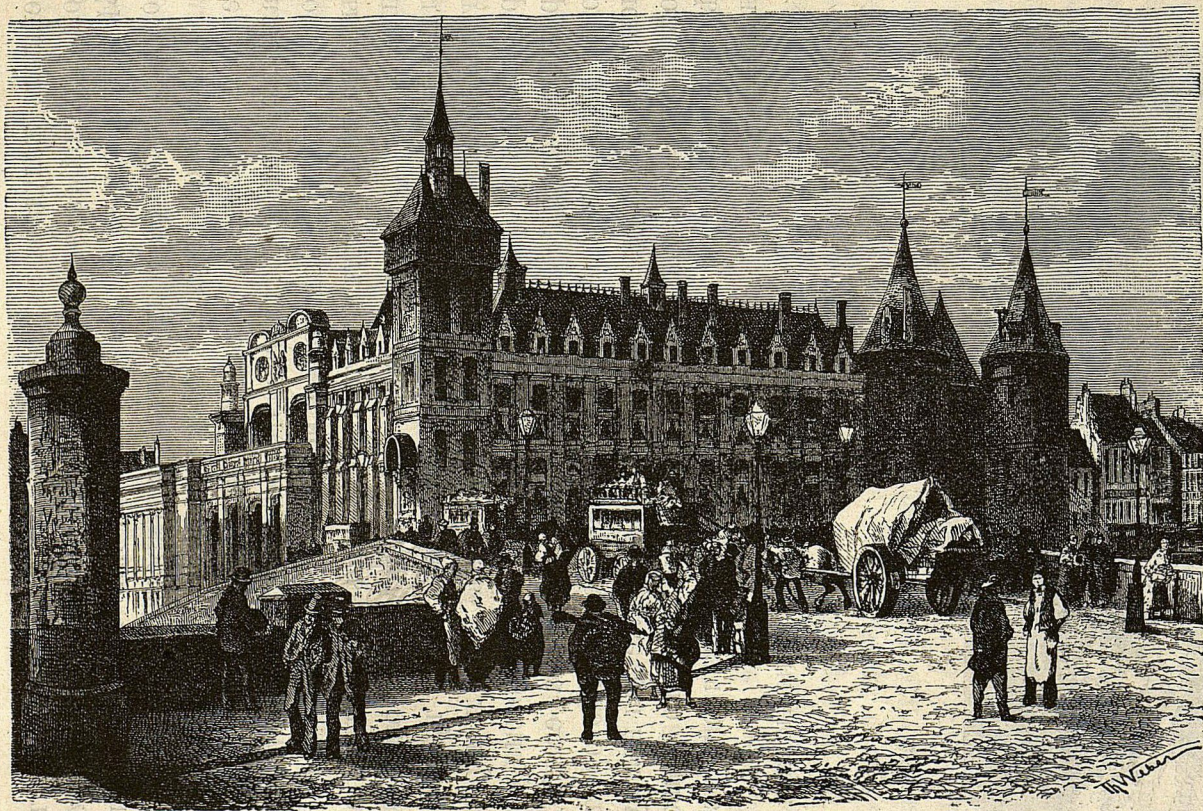
А. Анненская.

Л. ПАСЕВЪ. Т. 1. 1881 г.

Въ Петербургѣ. Издательство С. П. Пасева.

Въ Петербургѣ. Издательство С. П. Пасева.

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ ВЪ ПАРИЖѢ.

Редакторъ-издательница Т. ПАСЕЖЪ.

Доводено цензурою. С.-Петербургъ, 7 марта 1881 г.

Типографъ А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.